

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>

ПОЧЕМ ФУНТ ШПИЦРУТЕНОВ? НАКАЗАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ XVIII – НАЧАЛА XIX В.

**Татьяна Андреевна
Володина**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, volodina.tatiana2016@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Аннотация. Статья посвящена анализу практики телесных наказаний в русской армии в период от Петра I до эпохи великих реформ. Признавая определенную динамику и развитие армии на протяжении столь долгого периода, необходимо отметить, что ей все же был присущ общий набор основных черт, среди которых весомую роль играли телесные наказания. Главная проблема, которую поднимает автор статьи, заключается в следующем: почему, несмотря на жестокость нормативной законодательной базы и разгул шпицрутеннов, российская армия отличалась высокой степенью корпоративной солидарности и демонстрировала замечательную эффективность на поле боя? Главным источником для исследования служат военно-судебные дела, которые впервые вводятся в научный оборот. В статье проводится анализ тех инструментов, которые формировались в армии в качестве регуляторов практики экзекуций или же могли служить ее естественными ограничителями. Автор приходит к выводу, что эти инструменты по-разному работали при судебных и дисциплинарных наказаниях. В качестве подобных ограничителей можно выделить следующие: амбивалентность силы, прикладываемой солдатами при проведении наказания; личная материальная ответственность офицера за «порчу» солдата, использование формулы «слово и дело», а также такой своеобразный феномен военно-процессуального права, как «Ротá присяги». Автор приходит к выводам, что писанные нормы военного закона в процессе своего воплощения в реалии армейской жизни неизбежно порождали неформальные инструменты, которые служили ограничителями излишней жестокости и произвола. Выработанные способы обеспечивали балансирование армии как целостной системы и поддерживали ее функционирование.

Ключевые слова: российская армия, шпицрутенны, телесные наказания, «Ротá присяги».

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Володина Т. А. Почем фунт шпицрутеннов? Наказания в русской армии XVIII – начала XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 47–63. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>.

Сведения об авторе: Т. А. Володина – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63>

HOW MUCH IS A POUND OF GAUNTLETS? PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN ARMY OF THE 18th – EARLY 19th CENTURIES

Tatiana A. Volodina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, volodina.tatiana2016@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Abstract. The article analyzes the practice of corporal punishment in the Russian army in the period from Peter the Great to the era of Great reforms. While recognizing a certain army dynamics and development over such a long period, it worth noting that it still shared a common set of basic features, among which corporal punishment played a significant role. The main problem that the author of the article raises is the following: why, despite the oppressive regulatory framework and the frequent use of gauntlet, the Russian army demonstrated a high degree of corporate solidarity and remarkable effectiveness on the battlefield? The main sources for research are military court cases, introduced into scientific discourse for the first time. The article analyzes the tools formed in the army as regulators of the execution practice or could serve as its natural limiters. The author concludes that these tools worked differently in judicial and disciplinary punishments. Such limitations include the following: the ambivalence of the force applied by soldiers during punishment; the personal financial responsibility of an officer for "spoiling" a soldier, the use of the "Slovo i delo" (Word and deed) formula, and such a peculiar phenomenon of military procedural law as the "Rotá prisyagi" (The Oath). The author concludes that the written norms of military law in the process of their implementation in the realities of army life inevitably generated informal tools that served as limiters of excessive cruelty and arbitrariness. These tools and methods ensured the balancing of the army as an integral system and supported its functioning.

Keywords: Russian army, gauntlet, corporal punishment, "Rotá prisyagi".

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Volodina, TA 2023, 'How Much is a Pound of Gauntlets? Punishments in the Russian Army of the 18th – early 19th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 47–63, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-47-63> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana A. Volodina* – Associate Professor, Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Volodina T. A., 2023

Как только речь заходит о наказаниях в русской регулярной армии, на ум сразу же приходят шпицрутены. При этом в нормативной базе армейской жизни спектр наказаний был гораздо шире. По Артикулу воинскому 1716 г. военные за различные преступления и нарушение дисциплины могли быть подвергнуты не только смертной казни и каторге, но и наказанию плетью, кнутом, батогами. Однако именно шпицрутены традиционно считаются краеугольным камнем устрашения в русской армии вплоть до эпохи великих реформ. В советской историографии на армию распространялась проекция классового подхода, а жестокость наказаний оценивалась как проявление классового угнетения солдат (крестьян) со стороны офицеров (дворян). В этом контексте и шпицрутены рассматривались как варварская и мучительная расправа, а при 3 тыс. ударов это наказание расценивалось как «замаскированная безусловная и мучительная смертная казнь» [19, с. 311, 313]. Только в последние годы начали появляться работы, которые корректируют это устоявшееся мнение благодаря обращению их авторов к архивным документам и реальной судебной практике [11; 12; 22].

Зарубежные исследователи, занимавшиеся историей российской армии, в вопросе телесных наказаний зачастую шли по стопам советской историографии. Для них шпицрутены выступали доказательством жестокости и произвола российского общества в целом, тем более что долгое время они были лишены возможности работать с архивными данными. Так, Джон Кип обращал внимание, что даже Николай I, утверждая приговоры военных судов, подчас увеличивал наказание сверх максимальных 3 тыс. ударов шпицрутенами, «в то время как даже несколько десятков ударов могли стоить человеку жизни» (перевод мой – *T.B.*) [43, p. 41]. Лишь знакомство с архивными документами способствовало корректировке этой черно-белой картины. Элиза Виртшафтер, например, уже признавала наличие определенных юридических прав у нижних чинов русской армии, однако акцентировала внимание на институциональной невозможности эти права отстоять, касалось ли это материальных ущемлений или чрезмерной жестокости командира [45]. Существовало, например, право у солдат при инспектировании полка заявлять о своих претензиях. Однако, доказывает Э. Виртшафтер, в реальности солдаты жаловались очень редко, ибо не знали наверняка, чем закончится для них эта жалоба: поркой или сатисфакцией. Эту гибкость военного законодательства американская исследовательница оценивает как имманентную институциональную слабость армии и связывает с традициями произвола, свойственными в целом автократическому и крепостническому обществу [45, p. 118–148].

На самом деле 3 тыс. шпицрутенов не были «замаскированной смертной казнью» уже хотя бы потому, что в реальности в XVIII в. это количество ударов было минимальным уровнем в приговорах военных судов. Высшая же планка наказаний шпицрутенами составляла 12 тыс. ударов, и архивные документы дают нам множество свидетельств, когда один и тот же человек мог многократно подвергаться наказанию шпицрутенами, что отнюдь не приводило к его смерти. Так, в 1775 г. в Петербурге решалась судьба солдата Гордеева, который, как сообщалось в судебном деле, за 30 лет службы совершил 6 побегов: «Отроду ему 50 лет, в службе с 1737 года, из боярских людей, наперед сего за побег гонен был шпицрутен чрез тысячу человек, впервые шесть раз, вдругорядь десять, в третья двенадцать, в четвертая двенадцать и написан в профосы, в пятый – двенадцать раз». Гордеев бежал и в шестой раз, судебная система в оторопи размышляла, что делать с таким упрямым [33, л. 15–17]. Солдат Шорин, который в течение 1770 – 1793 гг. совершил пять побегов, каждый раз наказывался шпицрутенами (1,5 тысячи ударов, 3 тысячи, 6 тысяч, 8 тысяч), а в последнем приговоре вновь звучало: прогнать сквозь строй и «определить в службу по-прежнему» [37]. Суд как-то был уверен, что солдат выживет.

В документах часто можно встретить подтверждения того, что современники отнюдь не рассматривали шпицрутены как эквивалент смертной казни. Указ 1760 г., например, предписывал солдат, которые уже трижды получили наказание шпицрутенами, но продолжали оказывать себя «в худых поступках ненадежными», отправлять в Нерчинские заводы [21, № 11155].

А финляндский генерал-губернатор и командующий финляндским корпусом граф Штейнгель, который был назначен на этот пост после вхождения Финляндии в состав империи, вообще пребывал в растерянности из-за сознательного стремления его солдат попасть под шпицрутены. В 1814 г. он напрямую обратился к военному министерству. Дело в том, что по высочайшему указу от 2 августа 1810 г. за 3 и более побегов из армии предписывалось после наказания шпицрутенами отсылать солдат в дальние гарнизоны, дабы эти нарушители не действовали разлагающе на дисциплину в полку [21, № 24312]. Штейнгель был в большом затруднении. В силу общей дороговизны жизни в недавно присоединенной Финляндии солдаты беспрестанно совершали побег с единственной целью – чтобы их отослали в дальние гарнизоны. Генерал предлагал изменить этот порядок для Финляндии и отправлять беглых не вглубь России, а на крепостные работы в Свеаборг и на Аландские острова [23]. Александр I одобрил это предложение. Однако для нас в этих документах важно другое. Солдаты совершенно сознательно совершали побег, зная, что после трех раз «гоняния» сквозь строй они наконец покинут эту Финляндию, а значит, точно не воспринимали перспективу шпицрутенов как неизбежную смерть.

Необходимо отметить, что до издания устава 1716 г. в работе судебных комиссий принимали участие не только офицеры, но и нижние чины [38, с. 343–344]. Когда в 1708 г. Петру на утверждение был прислан приговор 28 беглым преображенцам, вынесенный в полку, то под этим приговором мы находим подписи 4 солдат, 2 капралов, 1 сержанта, а далее – офицеров полка от подпоручиков до майора [20, с. 217–226]. Из этого приговора четко видно, что сами преображенцы считали 3 тыс. шпицрутенов наиболее мягким наказанием (за простой побег из полка), далее – за грабежи, кражи из церквей, убийства и подделку документов – следовали уже каторга или смертная казнь. Аналогично и по «Инструкции полковничьей» 1764 г. командир полка имел право утверждать приговор суда на «гоняние шпицрутенами» до 3 тыс. ударов, не испрашивая конфирмации у вышестоящего генерала [15, с.3]. Получается, что в XVIII столетии 3 тысячи шпицрутенов воспринимались как своего рода *minimum minimumum* на карательной шкале военной юстиции. Лишь к концу XVIII в. в конфирмациях мы начинаем встречать снижение этого минимального порога в количестве ударов – «прогнать шпицрутенами 1 раз через комплектный полк / батальон» [41, с. XXIII – XXVII].

Вообще на протяжении всего XVIII столетия четко прослеживается стремление по рядовым делам право конфирмации приговоров передать дивизионным и бригадным генералам, не утруждая Военную коллегию и не затягивая бюрократическую переписку [21, № 4589, 14889, 17649]. Если в приговоре суда не маячила смертная казнь или каторга, то по логике законодателя нарушителей не следовало томить излишним содержанием под стражей. Такой арест «превосходил бы меру их преступлений». Не следовало отвлекать подсудимых от службы, тратить напрасно усилия караулов, лучше было побыстрее провести наказание шпицрутенами и вернуть их в полки. Как видим, Военная коллегия отнюдь не предполагала, что экзекуция завершится смертью солдата.

В то же время мы действительно встречаем немало случаев, когда наказание шпицрутенами, даже в умеренном количестве, приводило к смерти. В воспоминаниях одного доктора, оставившего описание экзекуции в Казани двух разбойников, на совести которых были грабежи и убийства, находим свидетельство, что приговорен-

ные к 12 тыс. ударов шпицрутенов, они выдержали менее половины, после чего экзекуция была приостановлена по настоянию лекаря и наказанных отправили в госпиталь. Тем не менее оба в тот же день умерли [13, с. 67–69].

Вероятно, примерную «градацию» наказаний по степени болезненности современники ощущали на уровне непосредственных впечатлений и обыденного знания. Всем, например, было ясно, что розги, которые применялись даже к детям в школе, были не в пример легче батогов или кнута. Это знание отразилось и в законодательстве. Когда в 1840 – 1850-е гг. происходило уничтожение некоторых видов телесных наказаний, практикам от законодательства пришлось провести «расценку» отменяемым и остающимся видам телесных наказаний. Нужно было дать ответ на вопрос: если кнут как таковой отменяется, то что является его эквивалентом по степени тяжести и болезненности? Основываясь на анализе этих норм, историки права вывели «масштаб» наказаний по степени болезненности. Согласно такому расчету 1 удар кнута равнялся 2 – 3 ударам плетей; 10 плетей – 40 ударам розгами; а 100 ударов плетей приравнивались к 2000 – 3000 ударов шпицрутенами [42, с. 150–151]. Получалось, что известные виды телесных наказаний по степени «болезненной силы» ранжировались в следующем порядке: кнут – плети – батоги – шпицрутены – розги. Помимо разделения телесных наказаний по инструментарию их можно разделить еще на два класса: судебные и дисциплинарные. Ниже мы еще вернемся к их особенностям, здесь же достаточно сказать, что первые совершались по официальным приговорам военных судов, вторые – по воле командира.

Возникает закономерный вопрос: почему в одном случае осужденные выдерживали наказание в 12 тыс. шпицрутенов, а в другом умирали от 3 – 4 тыс. ударов? Конечно, можно сказать, что всему виной индивидуальные особенности человека: обладатель богатырского здоровья мог сдюжить, а для слабого человека все могло кончиться разрывом сердца. Однако слишком уж велик разброс в количестве ударов. Представляется, что в дело здесь вступал иной фактор.

При любом телесном наказании степень его болезненности определялась не только самим инструментом, но и степенью «усердия» того, в чьих руках этот инструмент находился. А вот здесь могли быть варианты. В качестве иллюстрации того, как много зависело от настроения исполнителя, можно привести описание казни пастора Зейдера (1800 г.), которое он сам оставил в своих записках. Приговоренный к 20 ударам кнута, выведенный на площадь, оцепленную солдатами, привязанный к плахе, он уже приготовился было к смерти. Однако удары, не касаясь его тела, лишь скользили по кушаку брюк пастора [18, с. 480]. В то же время в источниках остались свидетельства, что искусный палач при желании мог засечь человека до смерти 6 – 7 ударами кнута [17, с. 22]. Очевидно, что такой высокий уровень квалификации мог продемонстрировать только опытный мастер заплочных дел.

Необходимо заметить, что с Соборного Уложения и вплоть до екатерининского времени кнут являлся своего рода панацеей в карательной системе России. Наказанию кнутом могли быть подвергнуты в XVIII столетии как женщины-аристократки за участие в политических интригах (Наталья Лопухина и Анна Бестужева), так и обычные горожане, выбрасывающие на улицы мусор и нечистоты [39, с. 27–33; 21, № 4047, 4130]. Однако было одно исключение. В нормах и практике военного законодательства с петровского времени оформляется дихотомия: кнут против шпицрутенов. Наказание кнутом для военных означало, что они (как «побывавшие в катских руках») будут отторгнуты от армии. Это позорящее наказание даже для рядового означало полную невозможность вернуться на военную службу.

Другие телесные наказания – батоги или шпицрутены – но нанесенные рукою товарищей по полку, не лишали солдата и офицера его доброго имени и чести, не удаляли его из воинского социума [8]. Архивные документы свидетельствуют, что в

XVIII в. те солдаты и офицеры, кто по судебному приговору получал шпицрутены (через 1000 человек 6 – 12 раз) и каторжные работы (1 – 4 года), после окончания срока вновь возвращались на военную службу [34].

В научной литературе встречается мнение, что в армии функции палача при наказании кнутом выполнял профос, т. е. представитель самой армии [1, с. 539]. Это мнение представляется нам неверным. Профос, конечно, был в полку фигурой малопочтенной, в профосы попадали в качестве наказания («разжаловать в профосы»), но он при всем том оставался солдатом. Следить за нечистотами, иметь инструментарий для «заковывания в железа», арестовывать, заготавливать те самые «шпицрутены», которые в реальной практике, скорее всего, нарезались в ближайшей роще – все это входило в его обязанности [41, с. 86–87]. Но кнут сделал бы полкового профоса просто отверженным среди товарищей по полку. Кнутом мог орудовать только палач, и в самой армии на это место невозможно было никого назначить даже приказом.

Тот же генерал Штейнгель в 1811 г. прямо-таки требовал от начальства прислать к нему в г. Або палача [24]. Резоны у главнокомандующего Финляндским корпусом были убедительные: у него скопилось уже человек 15 военных, которых перед отправкой на каторгу нужно было бить кнутом. Однако бить было некому. Отправлять же для наказания преступников в Петербург было трудно и неудобно, велика была вероятность, что половина из них сбежит по дороге. Кроме того, Штейнгель настаивал, что этих преступников требуется наказывать публично, на глазах нижних чинов и местных обывателей, дабы продемонстрировать воочию серьезность военного правосудия. Русские солдаты должны были видеть, что бывает за тяжкие преступления, а новые подданные империи – убедиться, что насилие по отношению к ним не остается безнаказанным. Забавно наблюдать в деле за дальнейшей перепиской ведомств. Военное министерство требует «выделить» палача у министерства полиции, а то отмалчивается либо отсылает военных к гражданским губернаторам. Видно, что по части палачей наблюдался явный кадровый голод. Аристократы, перешедшие в подданство России (Густав Армфельдт и Иоганн Аминов), мягко намекают, что Финляндия вполне может обойтись без насаждения традиции публичных казней. В результате уже в октябре 1812 г. Штейнгелю объявляют высочайшую волю: всех преступников для наказания кнутом присылать в Санкт-Петербург [24, л. 8].

Можно выдвинуть предположение, что исход наказания шпицрутенами в обычной практике не в последнюю очередь зависел от настроения тех самых солдат, которые наносили удары шпицрутенами. Если в их головах преступление собрата по полку выглядело понятным и извинительным, то и руки солдатские били не в полную силу. Могли ли офицеры (и главное – желали ли?) контролировать силу этих ударов?

В источниках мы встречаем свидетельства, подтверждающие, что зачастую не слишком желали и отнюдь не всегда могли. Так, мемуарист, вспоминая экзекуции в Преображенском полку при Николае I, свидетельствовал: «Большинство солдат били очень легко, – только шмыгали палочки по спине для формы... Несмотря ни на какие строгие приказания, не только офицеры, но даже фельдфебели смотрели сквозь пальцы на исполнение» [14, с. 29]. Следует учитывать, что это описание относится к наказаниям за пьянство, буйство и побеги, которые, в отличие от XVIII столетия (когда беглый солдат мог скрываться несколько месяцев, а то и лет), выглядели больше как «самовольные отлучки». За все это собратья по полку могли «шмыгать палочками», другое дело – те преступления, которые воспринимались военными как тяжкие и серьезные: преднамеренное убийство, особенно убийство «своего», военного, если оно было совершено не случайно, в запале ссоры или пья-

ной драки. Не ослабевала сила в солдатских руках и при наказаниях за ограбление церкви, за воровство внутри полка, за оставление караула, за кражу полковых денег.

В архивных документах мы находим случаи, когда явно видно стремление со стороны солдат и офицеров не допустить «шмыгания палочек». Как правило, это было связано с преступниками, которые в их глазах не заслуживали снисхождения. В 1832 г. рядовой Вятского пехотного полка Постоногов в Москве вышел среди бела дня на улицу и в трезвом рассудке застрелил из ружья мещанина Шувалова, совершенно ему не знакомого. На следствии солдат объяснил, что подобным образом он решил избавиться от военной службы; уж лучше каторга, чем армейская ляпка. Суд приговорил Постоногова прогнать сквозь строй в 1000 человек 10 раз, т. е. дать ему 10 тыс. ударов шпицрутен и, лишив воинского звания, сослать в Сибирь на каторгу. По приговору получалось, что убийца добился поставленной цели.

В этом случае экзекуция явно носила подчеркнуто демонстративный, показательный характер, виновный не должен был дожить до каторги. На плацу наблюдать за наказанием были собраны рекруты из всех воинских частей, находившихся в Москве (около 2500 человек). Получив половину ударов, Постоногов уже не мог идти и упал. Его положили на тележку и продолжали возить. Штаб-лекарь Смирнов потребовал остановить экзекуцию. Дело в том, что с 1801 г. при всяком наказании шпицрутенами должен был присутствовать военный врач, которому предписывалось останавливать экзекуцию, если он видел, что солдат может не перенести наказание. Доктор должен был тотчас доставить его в госпиталь, а после выздоровления солдат получал «недоданные» удары при вторичном наказании [21, № 20070]. Однако не так было на этот раз, Постоногову дали все 10 тыс. шпицрутен. Три часа спустя, доставленный в полковой лазарет, он умер [28].

Нужно учитывать, что в конце XVIII – первой половине XIX в., если солдат умирал после телесного наказания, обязательно назначалось следствие. В логике военного ведомства такая смерть была явлением чрезвычайным и нежелательным. И те, кто проводил экзекуцию над Постоноговым, это прекрасно знали. Следствие было назначено и на этот раз. Все как один – от командира полка и московского плац-майора до обер-офицеров и унтеров – дали единодушные показания: Постоногов сам просил кончить все за один раз и уверял, что вполне может вытерпеть наказание [28, л. 6–14]. Командир корпуса генерал Савоини изложил в своем рапорте наверх эту же версию. Полковнику за отступление от предписанных правил экзекуции в приказе по корпусу объявили замечание. Одиноким голос гуманиста штаб-лекаря был заглушен единством и солидарностью военной корпорации.

Интересные материалы предоставляет нам издание, содержащее документы о бунте военных поселян 1831 г. [40]. Выступления были связаны с холерой. Заподозрив «начальство» в намеренном распространении заразы, военные поселяне Новгородской губернии принялись убивать и пытаться офицеров, фельдфебелей, полковых священников и штаб-лекарей. После подавления бунта под суд пошли 3610 человек; из них телесным наказаниям подверглись 1712 человек, а остальные были без порки отправлены в арестантские роты и отдаленные гарнизоны. По видам наказаний распределение было следующее.

Розги – 150 человек.

Шпицрутены – 1599.

Кнут – 89.

Все причастные к бунту были разделены на четыре разряда по степени вины. К первому были отнесены главари бунта, которые непосредственно убивали и истязали. Ко второму – те, кто избивал офицеров и их жен, грабил цейхгаузы и пороховые погреба, разбивал аптеки и карантинны. К третьему – те, кто бил и сек унтер-офицеров и гражданских, глумился над телами убитых офицеров и грабил. И к чет-

вертому разряду принадлежали те, кто участвовал в бунте, но ничего вышперечисленного не делал. По утвержденным судебным приговорам разбивка по разрядам была произведена следующим образом.

I разряд – 88 человек.

II разряд – 778.

III разряд – 1005.

IV разряд – 739.

При этом градация телесных наказаний выглядела следующим образом (см. таблицу 1) [40, с. 6–9].

Таблица 1

РОЗГИ		ШПИЦРУТЕНЫ		КНУТ	
Кол-во человек	Кол-во ударов	Кол-во человек	Кол-во ударов	Кол-во человек	Кол-во ударов
2	25	361	500	3	9
3	50	370	1000	3	10
7	100	59	1500	10	12
3	150	487	2000	5	15
35	200	131	3000	11	20
65	300	191	4000	13	25
11	400			17	30
24	500			13	35
				8	40
				6	44

Нам известно, что из этого числа во время наказания или вскоре после него умерло 129 человек. При анализе этой цифры нужно учитывать следующий факт. С петровского времени наказание кнутом было сопряжено с бесповоротным удалением военного со службы. Проще говоря, в приговорах военных судов за кнутом непременно следовала каторга. Шпицрутены же означали, что человек остается на военной службе. Известно также, что в данном случае после телесных наказаний 88 человек из числа наказанных отправились на каторгу (а значит, остались живы) [40, с. 210]. Итак, мы можем предположить, что смертность среди тех, кто был наказан кнутом, была чуть более 1 %. Можно предположить также, что основная масса умерших приходилась на тех, кто получил серьезное число ударов шпицрутенами (2 – 4 тысячи ударов – 809 человек). Показатель смертности среди них гораздо выше – около 15 %, а если принимать в расчет только тех, кто получил 3 – 4 тыс. ударов, то уровень смертности вообще составляет около 40 %. Получается, что удары кнута физически были гораздо менее опасны для жизни, нежели 3 – 4 тысячи шпицрутенов.

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что руки солдат в данном случае били с бóльшим усердием, нежели руки палача. Почему? Да потому, что в их глазах убийства, пытки и издевательства над «своими»: офицерами и унтерами, штаб-лекарями и полковыми священниками, фельдфебелями и каптенармусами были неприемлемы. Кроме того, для регулярных армейских частей военные поселяне были все-таки в большей степени «мужиками», нежели солдатами. В глазах «настоящей армии» они потому и могли глумиться над трупами убитых офицеров и унтеров, что были «ненастоящими солдатами».

Рассуждая от противного, мы можем предположить, что военно-судебные приговоры, в которых мелькают цифры в 6 – 8 – 10 тысяч шпицрутенов, в реальной практике «облегчались» в процессе исполнения. Архивные документы свидетель-

ствуют, что в заурядных случаях солдаты реально били своих собратьев не в полную силу. Офицер, конечно, мог попытаться от служебного усердия требовать проведения экзекуции с полной отдачей, но такая «рьяность» способна была бумерангом ударить и по нему самому. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные дела судебные дела над офицерами с формулировкой «о жестоком обращении с солдатами». В фондах РГВИА подобные дела не являются редкостью. Правда, следует отметить, что возникали они чаще всего по поводу дисциплинарных наказаний.

Кейс такого «бумеранга» находим, например, в деле майора Ширмана 1823 г., командира батальона 31-го егерского полка [31]. Толчком к делу послужил побег рядового, имевшего знак отличия военного ордена. Бежал он недалеко, «за пруд», и бежал от «побоев, чинимых ему по роже фельдфебелем Николаевым» [31, л. 377]. А с 1808 г. было запрещено подвергать телесным наказаниям нижних чинов, награжденных солдатским Георгием [21, № 23160]. Казус очень быстро перерос в военно-судебное дело над командиром батальона майором Ширманом. Выяснилось, что он практиковал жесткие дисциплинарные меры за малейшую провинность и поощрял к тому же фельдфебелей.

В военно-судебных делах того времени иногда можно встретить документ, который назывался «Ротá присяги». Судя по смыслу, название восходит к тому значению слова «ротá», которое зафиксировал Владимир Даль в своем словаре: клятва, божба, особое заклинание, вроде «отсохни моя рука, если неправду говорю» [10, с. 106]. Значит, во времена Даля слово еще употреблялось, оно было понятно людям, однако корни самого феномена (клятва при даче свидетельских показаний в суде) уходят в древнерусское право и Средневековье [4].

Если была необходимость получить массовые показания нижних чинов касательно действий их командира (присвоение полковых денег, схемы с провиантом, жестокое обращение с солдатами), то прибегали именно к этой процедуре. Текст самой клятвы занимал полстраницы и содержал стандартные формулы – «Аз, ниже именованный... в чем буду в следственной комиссии спрашиван касательно командования (такого-то офицера такою-то частью)... скажу самую истинную правду...аще же лестно себе в чем свидетельствую, либо ложно клятвою хочу неправдою правду показать, то да будет на мне вся клятва, еже здесь зглагола, на ложно клянущихся, и да казнит меня царь небесный яко клятвопреступника и супостата... в заключение же сей моей клятвы целую слово и крест Спасителя моего» [31, л. 372; 26, л. 411; 27, л. 54; 25, л. 29]. К присяге приводил священник, далее, после клятвы, следовали фамилии и имена всех солдат, подвергавшихся допросу; за неграмотных расписывались грамотные, эти подписи могли занимать десяток страниц. И только после проведения данной процедуры фиксировались письменные показания нижних чинов. «Ротá присяги» выглядела как некий армейский симбиоз повального обыска с крестным целованием, утаить что-то было практически невозможно.

В деле майора Ширмана показания дали все роты, и все подтверждали, что в батальоне наказывали за всякую ошибку или мелочь: за то, что при шитье майорского мундира в швальне обузили рукава; за то, что при конвоировании арестантов солдат присел отдохнуть; за то, что рядовой забыл вынуть из ружейного дула деревянный патрон – за все это давали от 30 до 500 лозанов (ударов прутьями). В то же время солдаты свидетельствовали, что после этих наказаний «никогда никого не уносили на плаще».

В показаниях многих солдат находим, что их по приказанию майора подвергали наказаниям за то, что они своих товарищей во время экзекуций «били слабо» или «били тихо». С формально-юридической точки зрения майор Ширман ничего не нарушил, никто из солдат не был покалечен или забит насмерть. Однако дело-то велось о «жестоком обращении с солдатами», и в протоколах следствия фиксирова-

лось то, что воспринималось солдатами и самими следователями как «неподобающее» и непосредственно относящееся до предмета следствия. Попытка контролировать силу ударов при экзекуциях явно попадала в этот разряд. Приговора не последовало, однако по окончании дела майор Ширман был уволен с военной службы без мундира (т. е. он не имел права в отставке носить военный мундир) и пенсии. Это был явный знак корпоративного осуждения [9, с. 8].

Вообще «Ротá присяги» была достаточно эффективным инструментом в расследовании дел о жестокости командиров. Встречаются дела, где нижние чины уверенно свидетельствуют, что наказание было заслуженным, умеренным и справедливым. Так, например, было в деле капитана Балакина, который отдал приказ выпороть розгами рядового Подольщенко за самовольную отлучку и пьянство. Солдаты показали, что числа розог они не упомнят, но наказанному солдату даже не пришлось отправляться в лазарет [25, л. 29–34]. После этого следствие над капитаном было сразу прекращено.

Менее удачно дело обернулось в 1816 г. для ротмистра Украинского уланского полка Пихельштейна [30]. Солдат Музыченко украл 16 курей у жителей села, где квартировал эскадрон. Ротмистр распорядился наказать его плетьюми, а на следующий день после экзекуции солдат умер. Первоначально мы видим явную попытку замять дело. Командиром полка являлся Пихельштейн 1-й, а герой дела, Пихельштейн 2-й, командовал в нем эскадронном; родственная связь была очевидна. Штаб-лекарь выдал заключение, что Музыченко скончался от потребления горячительных напитков и нарыва в легких, полковой командир скрыл факт следов наказания на теле, а сам Пихельштейн рапортовал, что наказание составило только 35 плетей. Однако в результате допроса нижних чинов («Ротá присяги») выяснилось, что Музыченко получил более 900 плетей [30, л. 72–75]. Боевые заслуги подсудимого были велики. Выходец из австрийских дворян, он поступил юнкером в российскую армию в 1803 г. и участвовал во всех кампаниях вплоть до 1814 г. Дважды был ранен, награжден орденами Св. Георгия, Владимира и Анны. Все это не «перевесило» «Ротá присяги», суд применил артикулы воинского устава Петра (33-й и 154-й), и Пихельштейна, лишив всех чинов, дворянского достоинства и орденов, записали рядовым в Харьковский драгунский полк [30, л. 182].

В научной литературе нам не удалось найти никаких сведений об этой военно-процессуальной процедуре. «Ротá» как форма судебной присяги рассматривалась исключительно в качестве компонента русского права XI – XVII вв. В глазах людей Средневековья в ней причудливо соединялись «грех» (клятва) и «благо» (крестное целование) [2]. Не упоминается «Ротá присяги» и в военном законодательстве. Однако факт остается фактом, в конце XVIII – начале XIX в. она применялась и в военном судопроизводстве играла роль высшей «солдатской правды», выступая своеобразным корпоративным ограничителем персонального произвола офицеров.

В более раннее время в качестве подобного ограничителя использовался материальный фактор. В 1774 г. военная коллегия рассматривала дело поручика Казанского кирасирского полка Масалова, который угодил под суд за жестокое обращение с рядовым Журавлевым [36]. В караульной команде, где находился Журавлев, у вахмистра пропали карманные часы. А ранее Журавлев уже был уличен в краже золотых часов у выборгского купца, за что был наказан палками перед строем. Масалов отдал приказ бить его палками и на этот раз, требуя признания. Журавлев принес жалобу командиру полка, а после избияния угодил в госпиталь. Лекари дали заключение, что солдат в результате побоев сделался «к службе негоден». Приговор суда был скор и прагматичен: с поручика взыскать годного к службе рекрута, а избитого солдата офицер должен был «удовольствовать деньгами» и молить бога, чтобы тот

не помер. В случае смерти солдата в госпитале поручика могло ожидать более серьезное наказание.

Речь здесь не шла о гуманности, скорее о ценности солдата как персонифицированной и необходимой компоненты армии. Отражение этого явления мы видим даже в фольклоре. Среди сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, есть сюжет, описывающий солдата на постое в крестьянской избе. Мужик ударил его, заслуженно приревновав к своей жене. На все упреки хозяина солдат, натягивая штаны, хладнокровно отвечает: «Чрез тебя, мошенника, я теперь надорвался. Вот и веди меня в госпиталь да лечи на свой счет: я – человек казенный! А не вылечишь – сам на мое место в солдаты попадешь» [3, с. 343].

Таким образом, жестокость дисциплинарных взысканий имела в XVIII столетии весомый, грубый и зримый ограничитель: забил солдата до увечий – поставь за свой счет рекрута. Можно предположить, что до 1762 г. в роли дополнительного ограничителя жестокости выступала также формула «слова и дела». В своей монографии Е. В. Анисимов приводит статистику приговоров Тайной канцелярии в 1730 – 1740-е гг. Обращает на себя внимание тот факт, что среди всех сословий солдаты выступали абсолютными рекордсменами по части объявления «ложного слова и дела», их доля (32 %) была несопоставимо велика по сравнению с численностью солдат среди всего населения страны [1, с. 716]. В критической ситуации солдат легко мог отвести от себя непосредственную угрозу наказания, выкрикнув магическую формулу и обвинив какого-нибудь поручика в злоумышлениях. Скорее всего, в результате розыска Тайная канцелярия во всем разберется и за ложный извет его накажут теми же шпицрутенами, но в застенок-то они отправятся вместе. Недаром в указе о ликвидации Тайной канцелярии говорилось, что формула эта в основном использовалась теми, кто желал «под какой суд или несчастье подводить своих начальников» [21, № 11687].

Негативные последствия для офицера могли наступить именно в случае применения дисциплинарных взысканий, т. е. наказаний, чинимых по его непосредственному личному приказу. Смерть же солдата от телесных наказаний в результате официального военно-судебного приговора была нежелательной, но она не служила причиной для обвинения командира. Логика здесь была понятна. Дисциплинарные наказания проходили по разряду «легких», они назначались за мелкие проступки, а значит, должны были вести к «исправлению» солдата, но никак не к его смерти. За серьезные преступления наказания были гораздо тяжелее, но все они выходили за рамки компетенции поручиков или капитанов.

Главное было – не перепутать. Капитан драгунского полка Шлиппенбах как раз нарушил этот принцип. Эскадрон под его командой, который квартировал в Валуйском уезде, отправился летом на учения. Капитан оставил рядовому Печерыженко 236 рублей с тем, чтобы солдат закупил в окрестных деревнях фураж и сено к моменту возвращения эскадрона. Когда воинская часть вернулась в расположение, оказалось, что нет ни фуража, ни денег. Самого Печерыженко с трудом удалось отыскать, все это время он пропьянствовал по окрестным деревням. При строе нижних чинов ему дали 100 ударов и посадили в сухой погреб под караул, а на следующее утро обнаружили мертвым [29]. Нижние чины в своих показаниях все это подтвердили. Было очевидно, что в данном случае били солдаты от души («не мог сам встать с места»), ведь он пропил полковые деньги, и лошади драгунские стояли не кормленые. В результате военный суд признал капитана виновным в «наказании непозволительным образом», ибо он должен был в этом случае рапортовать по команде и отправить нарушителя под суд. Но приговор Шлиппенбаху был легкий: три месяца ареста на гауптвахте и три года обходить чинами при производстве.

Необходимо отметить еще один фактор, который, вероятно, служил ограничителем излишней персональной жестокости офицеров. Таким ограничителем было ружье в солдатских руках. В XVIII – начале XIX в. русская армия много воевала, а в перерывах между войнами полки ежегодно выходили в лагеря для учений. К этому нужно добавить, что до середины XIX столетия в военном деле господствовал черный порох. При стрельбе дымным порохом после первого же ружейного залпа видимость сокращалась очень резко. Сюда же нужно приплюсовать линейную тактику, которая была зафиксирована во всех военных уставах полевой пехотной службы. На практике это означало, что командиры (от прапорщиков до майоров) в условиях боя шли впереди своих солдат (см. рис. 1 и 2) [6, с. 290; 5, с. 495]. Легко ли было офицеру подставить себя под ружейные залпы солдат, сознавая, что, если они считают его дисциплинарные наказания несправедливыми и чрезмерно жестокими, то в пороховом дыму никто не увидит, кто именно выстрелил ему в спину?

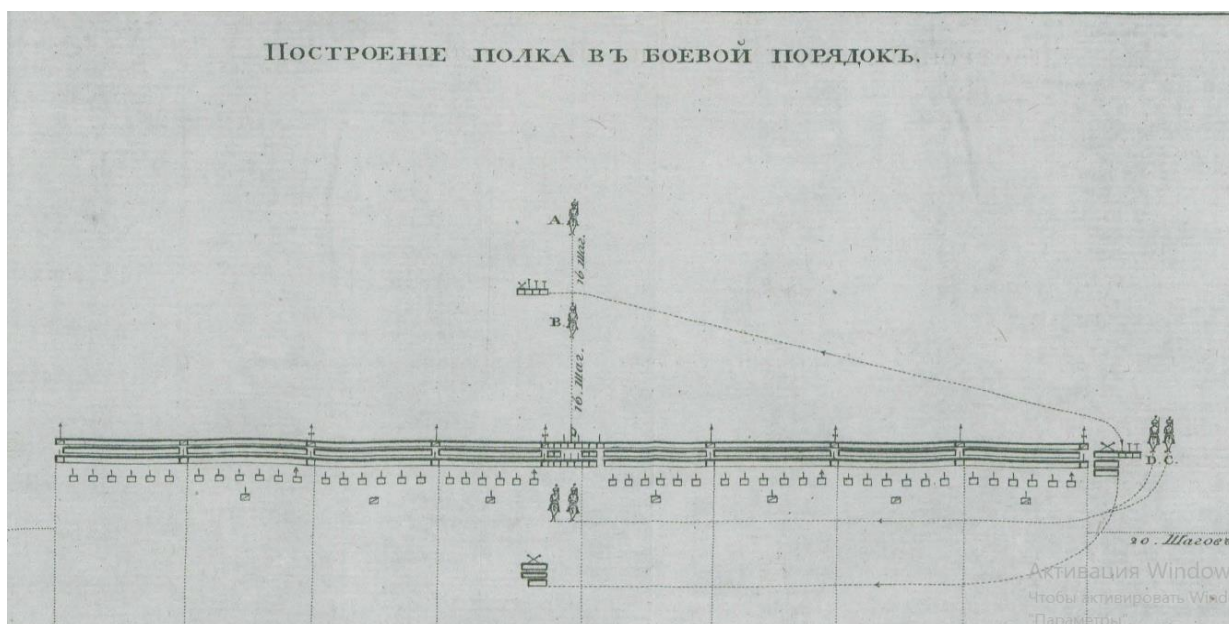

Рис. 1.

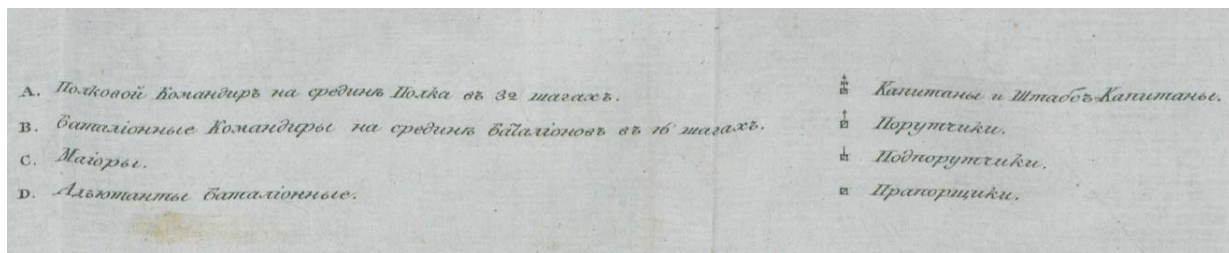

Рис. 2.

В 1772 г., например, под суд попал рядовой Ямбургского карабинерного полка Яков Пушников [35]. Было Пушникову 26 лет, происходил он из солдатских детей, служил с 1758 г., умел читать и писать. Сильную неприязнь карабинеры испытывали к майору Уткину («житья не дает»), и как-то на конюшне солдат поделился придуманным им планом с двумя друзьями. А задумал он на учении зарядить свой пистолет пулей и убить Уткина. Все получилось. Когда майор скомандовал второй шеренге палить, солдат в него и выстрелил. Однако «в корпус не попал, а только пробил шляпу». Арестованный Пушников упросил караульных дать ему сходить за вином, и

карабинеры его **выпустили** (!). На квартире он сбросил с себя мундир, надел хозяйскую свитку, развел чернил и быстренько «написал себе паспорт для проходу до Казани за рукою генерала Шпрингера под видом крепостного его человека» [35, л. 12–14]. Спустя несколько недель его все-таки поймали, и дело для солдата закончилось кнутом, рваными ноздрями и вечной каторгой. Однако наше внимание привлекает здесь другое: и друзья по капральству его не сдали, и караульные из-под ареста выпустили. Быть ненавидимым солдатами для офицера в условиях ведения реальных боевых действий было чревато большими неприятностями.

Подводя итоги, следует подчеркнуть несколько важных пунктов. В наши намерения ни в коей мере не входит утверждение, что наказание шпицрутенами было легким или безболезненным. Однако принципы историзма требуют от нас оценивать каждое явление в координатах прошлого, а не дня сегодняшнего. Не стоит подходить к солдатам и офицерам XVIII в. с мерками Веры Засулич. Европейские армии раннего нового времени, которые строились на регулярной основе и по численности многократно превосходили войска XV – XVI вв., требовали совсем другого уровня поддержания дисциплины. И жесткие телесные наказания применялись в войсках повсюду. Лишь в середине XIX в. английское общество всерьез стало обсуждать «варварство» порки солдат, хотя такие военные и государственные деятели, как герцог Веллингтон и лорд Пальмерстон, да и в целом британское армейское руководство, стояли за порку, ибо считали невозможным поддержание дисциплины в армии без плетей [44, р. 25–26].

Нам представляется, что социально-психологическая реакция солдат на судебные и дисциплинарные наказания, вероятно, была разной. Шпицрутены, как правило, фигурировали в приговорах военных судов. В них заседали не чиновники, а представители военной корпорации, выросшие в реалиях армейской службы, и решали они судьбу обвиняемого коллегиально. Приговор требовал подтверждения со стороны командира полка, генералов, военной коллегии или самого государя (смотря по тяжести дела). Жесткость военного законодательства при этом сглаживалась традицией «мнений», которые подавались командирами снизу вверх [7]. И если по силе воинских артикулов тебе полагалась смертная казнь, а на практике дело заканчивалось шпицрутенами, то это выглядело справедливо и воспринималось почти как милосердие. Наказание к тому же было обставлено массой требований: построение полка, присутствие офицеров, зачитывание приговора и подписание экзекуторального листа. Сам сценарий экзекуции являлся неким исполненным значения ритуалом, прописанным в уставе почти как театральное действие [6, с. 173–179]. К тому же собратья по полку били с разной степенью усердия, которое соответствовало их представлениям о степени вины подсудимого. Кого здесь было ненавидеть военному? Всю эту огромную махину, которая напроць была лишена персональных черт и субъектности? Шпицрутены воспринимались армейским социумом не как личная прихоть командира, а как результат действия общей системы военного закона. Вплоть до «Жалованной грамоты дворянству» офицер мог и сам угодить под шпицрутены. Более того, нам встретилось дело 1816 г., когда дворянин Бобровский, служивший в Дворянском полку, по высочайшей резолюции был «при собрании рот бит розгами нещадно и выписан вечно в рядовые» [32, л. 3].

Иное дело было с дисциплинарными наказаниями. Накладывались они властью непосредственного командира, далеко не всегда вносились в полковой штрафной журнал. Они-то как раз могли восприниматься как персонифицированные и чрезмерные, и зачастую такими и были. Осуществлялись такие наказания без всякого юстиц-антуража, быстро, «по-домашнему». Не обязательно было даже выстраивать роту для наблюдения за экзекуцией, и не нужно было отряжать подводу для подготовки тысяч прутьев. Выпороть можно было в две руки чем придется – плетями,

палками, лозанами, розгами. Конечно, на уровне предписаний, инструкций и риторики командирам советовалось соблюдать в дисциплинарных наказаниях умеренность и справедливость [41, с. 150–152]. Например, инструкция 1774 г. предписывала офицерам ни в коем случае не доходить до жестокости, ограничиваться палками (максимум 30 ударов); «если же давать больше, то этим человека не поправишь, а только в лазарет отошлешь» [16, с. 46]. Однако в реалиях полковой службы предписания далеко не всегда были действенны. Нам представляется, что внутри армии вырабатывались другие, неформальные инструменты, которые играли роль балансирующих ограничителей, обеспечивающих функционирование системы в целом.

Список источников и литературы

1. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
2. Антонов Д. И. Клятва и крест: Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI – XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 42–53.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857 – 1862. М.: Ладомир, 1997. 735 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Птг. ; Киев : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1915. 699 с.
5. Воинский устав о пехотной службе. С приложением планов школы рекрутской, ротного и батальонного учения. СПб.: Морская тип., 1816. 505 с.
6. Воинский устав о полевой пехотной службе с планами. М.: Сенатская тип., 1797. 322 с.
7. Володина Т. А. Спасительная сила «мнений»: о практике военных судов в русской армии XVIII – начала XIX вв. // Новый исторический вестник. 2023. № 4. С. 6–25.
8. Володина Т. А., Подрезов К. А. «Прикрыть его знаменем»: об инструментах сакрализации знамени в русской армии XVII – XVIII веков // Новый исторический вестник. 2021. № 4. С. 6–26.
9. Высочайшие приказы январской трети 1824 г. СПб.: Тип. Глав. Штаба, 1824. 269 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: М. О. Вольф, 1882. Т. 4. 683 с.
11. Дмитриев А. В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83.
12. Дмитриев А. В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. С. 54–62.
13. Ильинский А. И. За полстолетия. Воспоминания о пережитом // Русская старина. 1894. Т. 81. Февраль. С. 46–69.
14. Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца // Русская старина. 1893. Т. 78. Апрель. С. 21–50.
15. Инструкция полковничья пехотного полку. СПб.: Воен. Тип. Гл. Штаба, 1764. 74 с.
16. Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова // Военный сборник. 1871. № 11. С. 34–47.
17. Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу. М.: Унив. Тип., 1846. 47 с.
18. Обвинение и ссылка пастора Зейдера // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 461–489.
19. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. М.: Госюриздат, 1961. 667 с.
20. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып.1. М.-Л.: АН СССР, 1948. 406 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (ПСЗРИ-1). В 26 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830-1851.

22. *Проскуракова М. Е.* «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 8: История. С. 82–92.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 141.
24. РГВИА. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2.
25. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 597.
26. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 615.
27. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 621.
28. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 1757.
29. РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 500.
30. РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 26.
31. РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 127.
32. РГВИА. Ф. 395. Оп. 122. Д. 363.
33. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 127.
34. РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2288.
35. РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1528.
36. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 138.
37. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1624.
38. *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. 377 с.
39. *Семевский М. И. Н. Ф. Лопухина.* 1699-1763. Эпизод из ее жизни // Русский вестник. 1860. Т. 29, № 9. С. 5–52.
40. *Слезкинский А. Г.* Бунт военных поселян в холеру 1831 г. Новгород: Тип. Новг. Губ. Правл., 1894. 225 с.
41. *Столетие военного министерства.* Т. 12. Главное военно-судное управление. Кн. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1902. 201 с.
42. *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб.: Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1897. 228 с.
43. *Keep J.* Justice for the Troops: A Comparative Study of Nicholas I's Russia and France under Louis-Philippe // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol. 28, no. 1. P. 31–54.
44. *Mitchell B.* The Debate in Parliament about the Abolition of Flogging during the Early Nineteenth Century, with References to the Windsor Garrison // Journal of the Society for Army Historical Research. 2010. Vol. 88, no. 353 P. 19–28.
45. *Wirtschaftler E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. 214 p.

References

1. Anisimov, EV 1999, *Dyba i knut. Politicheskiy sysk i russkoye obshchestvo v XVIII veke* (The rack and whip. Political Investigation and Russian Society in the 18th Century), Novoye lit. obozreniye publ, Moscow. (In Russ.)
2. Antonov, DI 2009, 'Klyatva i krest: Problema sudebnoy prisyagi v drevnerusskoy pravovoy kul'ture XVI – XVII v.' (The Oath and the Cross: The Problem of the Judicial Oath in Old Russian Legal Culture of the 16th – 17th centuries), *Old Russia. The questions of Middle ages*, no. 1, pp. 42–53. (In Russ.)
3. Afanasyev, AN 1997, *Narodnyye russkiye skazki ne dlya pechati, zavetnyye poslovitsy i pogovorki, sobrannyye i obrabotannyye A. N. Afanas'yevym, 1857 – 1862* (Russian fairy tales not for printing, cherished proverbs and sayings, collected and processed by A. N. Afanasyev, 1857 – 1862), Ladomir publ, Moscow. (In Russ.)
4. Vladimирskiy-Budanov, MF 1915, *Obzor istorii russkogo prava* (Overview of the history of Russian law), no. 7, Izd. N. YA. Ogloblina publ, Petrtograd, Kiyev. (In Russ.)
5. *Voinskiy ustav o pekhotnoy sluzhbe. S prilozheniyem planov shkoly rekrutskoy, rotnogo i batal'onного ucheniya* (Military regulations on infantry service. With an appendix of the

- plans of the recruit school, company and battalion drills) 1816, Morskaya tip. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Voinskiy ustav o polevoy pekhotnoy sluzhbe s planami (), Senatskaya tip. publ, Moscow. (In Russ.)
 7. Volodina, TA 2023, 'Spasitelnaya sila «mneniy»: o praktike voyennykh sudov v russkoy armii XVIII – nachala XIX vv.' (The saving power of "opinions": on the practice of military courts in the Russian army of the 18th – early 19th centuries), *The New Historical Bulletin*, no. 4, pp. 6–25. (In Russ.)
 8. Volodina, TA & Podrezov, KA 2021, '«Prikryt yego znamenem»: ob instrumentakh sakralizatsii знамени v russkoy armii XVII – XVIII vekov' ("To Cover Him with the Banner": On the Instruments of Sacralizing the Banner in the Russian Army of the 17th and 18th Centuries), *The New Historical Bulletin*, no. 4, pp. 6–26. (In Russ.)
 9. *Vysochayshiy prikazy yanvarskoy treti 1824 g* (The highest orders of the January third of 1824) 1824, Tip. Glav. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 10. Dal, VI 1882, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), vol. 4, M. O. Vol'f publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 11. Dmitriyev, AV 2018, 'Voyennoye sudoproizvodstvo v armeyskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII v.: ofitsial'nyy mekhanizm i real'naya praktika' (Military proceedings in the army units at the territory of Siberia in the 18th century: official mechanism and real practice), *Historical Courier*, no. 1, pp. 74–83. (In Russ.)
 12. Dmitriyev, AV 2010, 'Uroven' distsipliny i narusheniya zakona v russkoy armii serediny XVIII v.: (sotsial'no-politicheskaya adaptatsiya v usloviyakh Sibiri)' (The level of discipline and lawbreaking in the Russian army in the mid-18th century (socio-political adaptation in Siberian conditions), *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* (Historical Research in Siberia: Problems and Prospects), In-t istorii SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 54–62. (In Russ.)
 13. Ilinskiy, AI 1894, 'Za polstoletiya. Vospominaniya o perezhitom' (For half a century. Memories of experiences), *Russkaya starina*, vol. 81, February, pp. 46–69. (In Russ.)
 14. Imeretinskiy, NK 1893, 'Iz zapisok starogo preobrazhentsa' (An old Preobrazhensky Life Guards Regiment serviceman's notes), *Russkaya starina*, vol. 78, April, pp. 21–50. (In Russ.)
 15. *Instruktsiya polkovnich'ya pekhotnogo polku* (Instruction for colonels of infantry regiments) 1764, Voyen. Tip. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 16. 'Instruktsiya rotnym komandiram za podpisaniyem polkovnika grafa Vorontsova' (Instruction for company commanders signed by Colonel Count Vorontsov) 1871, *Voyennyi sbornik*, no. 11, pp. 34–47. (In Russ.)
 17. Collins, S 1846, *Nyneshneye sostoyaniye Rossii, izlozhennoye v pis'me k drugu* (The present state of Russia in a letter to a friend at London), Univ. Tip. publ, Moscow. (In Russ.)
 18. *Obviniye i ssylka pastora Zeydera* (The indictment and exile of Pastor Zeider) 1878, *Russkaya starina*, vol. 21, pp. 461–489. (In Russ.)
 19. 'Zakonodatelnyye akty Petra I' (Peter the Great's legislative acts) 1961, *Pamyatniki russkogo prava*, no. 8, Gosyurizdat publ, Moscow. (In Russ.)
 20. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (Peter the Great's letters and documents) 1948, vol. 8, no. 1, AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
 21. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1. (PSZRI-1) V 26 t.* (Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. In 26 vols.) 1830-1851, coll. 1, Tip. 2-go otd-niya sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 22. Proskuryakova, ME 2014, '«Bezhav is polku...»: fenomen dezertirstva v kontekste istorii sudebnoy praktiki pervoy poloviny XVIII v.' (Phenomenon of desertion in context of history of judicial practice during the 1st half of the 18th century), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 13, no. 8, pp. 82–92. (In Russ.)
 23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive), fund 1, inventory 4, volume 1, file 141. (In Russ.)
 24. *RGVIA*, fund 1, inventory 4, volume 1, file 2. (In Russ.)
 25. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 597. (In Russ.)
 26. *RGVIA*, fund. 16231, inventory 1, file 615. (In Russ.)
 27. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 621. (In Russ.)

28. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 1757. (In Russ.)
29. *RGVIA*, fund 16231, inventory 1, file 500. (In Russ.)
30. *RGVIA*, fund 16232, inventory 1, file 26. (In Russ.)
31. *RGVIA*, fund 16232, inventory 1, file 127. (In Russ.)
32. *RGVIA*, fund 395, inventory 122, file 363. (In Russ.)
33. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 127. (In Russ.)
34. *RGVIA*, fund. 8, inventory 1, file 2288. (In Russ.)
35. *RGVIA*, fund. 8, inventory 4, file 1528. (In Russ.)
36. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 138. (In Russ.)
37. *RGVIA*, fund 8, inventory 5, file 1624. (In Russ.)
38. Rozengeym, MP 1878, *Ocherk istorii voyenno-sudnykh uchrezhdeniy* (Sketch of the history of military judicial institutions), Tip. M. Ettingera publ, St. Petersburg. (In Russ.)
39. Semevskiy, MI 1860, 'N. F. Lopukhina. 1699 – 1763. Epizod iz yeye zhizni' (H. F. Lopukhina. 1699 – 1763. An episode from her life), *Russkiy vestnik*, vol. 29, no. 9, pp. 5–52. (In Russ.)
40. Slezskinskiy, AG 1894, *Bunt voyennykh poselyan v kholeru 1831 g.* (Revolt of military settlers during the 1831 cholera epidemic), Tip. Novg. Gub. Pravl. publ, Novgorod. (In Russ.)
41. 'Glavnoye voyenno-sudnoye upravleniye' (General Military Court Administration) 1902, *Stoletiye voyennogo ministerstva* (Centenary of the War Ministry), vol. 12, book 1, part 1, Tip. M. O. Volf publ, St. Petersburg. (In Russ.)
42. Timofeyev, AG 1897, *Istoriya telesnykh nakazaniy v russkom prave* (History of corporal punishment in Russian law), Tip. S.-Peterb. Tyurmy publ, St.Peterburg. (In Russ.)
43. 'Keep J. Justice for the Troops: A Comparative Study of Nicholas I's Russia and France under Louis-Philippe' 1987, *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 28, no. 1, pp. 31–54.
44. Mitchell, B 2010, 'The Debate in Parliament about the Abolition of Flogging during the Early Nineteenth Century, with References to the Windsor Garrison', *Journal of the Society for Army Historical Research*, vol. 88, no. 353, pp. 19–28.
45. Wirschafter, EK 1990, *From Serf to Russian Soldier*, Princeton Univ. Press publ, Princeton.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2023
Одобрена после рецензирования: 10.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 23.10.2023
Approved after reviewing: 10.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023